

ГЛАВА 7.

Спустя несколько дней Хой и я сели в вечерний поезд. Наша поездка длилась девять с половиной часов, мы ехали в Убон, что на северо-востоке Таиланда.

Мне было радостно ехать в Исан, который был родиной для многих людей Патпонга. Паттайя, Бангкок и другие туристические места притягивали женщин из Исан. Тайцы полагали, что мужчины-фананги предпочитают их за смуглоту кожи. Тайские и китайские бордели в основном нанимали девочек с самого севера, где цвет кожи не был таким темным. Для тайцев и китайцев чем светлее цвет кожи, тем лучше. Так же считали в борделях и массажных салонах южного Таиланда, куда большой бизнес пришел со всех концов малайзийской границы. В районах, где жили фананги, женщины Исан могли неплохо зарабатывать себе на жизнь исключительно благодаря проституции.

У Хой и меня было некоторое время для того, чтобы лучше познакомиться, пока проводник не постелил наши койки. После того как мы тронулись, чернота ночи опустилась на Бангкок. Мы глубоко погрузились в медитативный стук железных колес поезда. Я не знала, рассказал ли Алекс Хой о моем исследовании. Она знала, что я интересовалась Патпонгом. Но знает ли она, что я интересуюсь и ей? В любом случае, пока что я не чувствовала себя комфортно, делая записи. Мне хотелось проводить с ней время, как с подругой. Если бы я хваталась за ручку каждый раз, когда она что-нибудь рассказывала, то это могло бы ее спугнуть.

– И что же, твоя семья живет в Убон? – спросила я ее, вытянув ноги и положив их на ее место.

– Отец и мать приехали из Кхон-Каен, и переехали в Убон в поисках работы, когда мать была беременна мной, – ответила она и тоже положила ноги на мое место. – Когда я была маленькой, мать погибла. Она наступила на мину. До этого моя семья была богатой, но когда отец запил, мы продали все.

– Мина! Это, должно быть, было во время войны во Вьетнаме, правильно? Тебе было девятнадцать лет, и было это в 1969? – сказала я прежде, чем до меня дошло, что упоминание о войне могло бы выставить меня, американку, в невыгодном свете перед тайским народом, особенно перед человеком, чья мать умерла таким образом. Я сменила тему.

– Сколько у тебя братьев и сестер?

– Сестра на шестнадцать лет старше меня. Когда мне было двенадцать, отец перевез нас в Бангкок. Работой отца было строить дом. Я работала на фабрике обуви. С шестнадцати до семнадцати лет у меня был бойфренд. Он был тайцем. Тогда я узнала, что он заглядывается на другую девочку. Тайцы отвратительный народ. Бабочки те еще! Я очень сердилась на него. Я пошла работать на Патпонг. Теперь же у моего отца нет никакой работы. Он всегда ждет, когда я пришлю ему денег. А я уже работаю на Патпонге два с половиной года.

– Rifiifi – хороший бар? – спросила я.

Она кивнула.

– Тогда почему ты сменила его на бар Zoo?

– Однажды я с моим бойфрендом остались совсем без работы... Если я вернусь в Rifiifi, то должна буду заплатить бару приличный долг. Так что я не могу туда вернуться. Но я звоню туда каждую неделю, и разговариваю со своим другом.

– А что же бар Zoo, я ничего не знаю про это место. Это там, где находится первый этаж с девочками, танцующими в бикини?

– Да. – Но я не ношу бикини и не умею танцевать. Я ношу только платье. Это очень сексуально.

– На Патпонге ты делала неплохие деньги?

– Зарплата 3 000 батов, плюс комиссия от бара и чаевые. Всего у меня выходило 15 000 батов за месяц.

Шестьсот долларов. Я прочитала, что доходы на Патпонге могли равняться зарплате высокого тайского государственного чиновника.

– Сколько ты заработала, когда в первый раз пошла с мужчиной?

– В первый раз я получила 1 500 батов. Я хожу с мужчинами из всех стран. Я встречать целый мир. Один человек оплачивать для меня квартиру за 7 000 батов в месяц.

– Что ты думаешь о мужчинах Патпонга?

– Они любят деньги слишком сильно, – ответила она. – У меня был парень, он работал диджеем в Rifiifi. Очень хорошенький. У него были длинные волосы. Он всегда хотел от меня денег, и я бросила его.

– Я думала, что в Таиланде мужчина всегда платит за женщину.

– Он хотел, чтобы я давала ему деньги, чтобы он расплачивался, когда мы выходили куда-нибудь.

– Что ты планируешь на будущее?

– Моя мечта – купить дом в Убоне.

Она наклонилась ко мне и взяла в руку мои волосы, затем взяла свои и сравнила их.

– Не одно и то же, – сказала она. – Вот у тебя красивая белая кожа. Раньше я плакала, потому что у меня черная кожа. Я была уродиной.

Кожа Хой была светлого солнечного оттенка загара, но разноцветным тайцам, многие из которых были городскими жителями китайской части страны, она казалась темнокожей.

Около 22:00 проводник заправил наши койки, и я занавесила свое место, чтобы записать услышанное. Так как Хой не была танцовщицей гоу-гоу, она была другого ранга, чем Понг, Нок или Дан. На Патпонге существовала иерархия рабочих мест. Работа в минет-баре, как Дан, или выступление в факинг-шоу считались самой распоследней работой. Затем следовали обнаженные танцы и секс-шоу с уловками в барах-мошенниках, как у Понг; затем обнаженные танцы с трюками в барах, где не жульничали с туристами, как Нок. Бикини-танцы на первых этажах приравнивались к высокому статусу, но работающие в вечерних платьях, освобожденные от танцев девушки, как Хой, считались еще выше. Различие существовало также и между симпатичными женщинами в платьях. Чаше выкупались те, что были стройнее и ярче. Женщины взрослее, в основном, служили хостес или встречающими возле бара. Последних можно было только пожалеть. Привлекательность и сексапильность были главными элементами престижа на Патпонге. Быть выкупленной молодым красавцем считалось почетнее, чем старым и толстым мужиком.

На самом верху этой иерархии были красотки, которые не работали на бар вообще, они приходили и уходили в свободное время. Некоторые крупные заведения позволяли этим женщинам общаться с их клиентурой.

Если девушка находила клиента, то он платил бару, чтобы выкупить ее. Если она не находила клиента, она платила бару сама за привилегию находиться в нем. Высокая стоимость этих девочек, 2 000 батов за ночь как минимум (месячная зарплата для конторского служащего), была страховкой от случайного убытка.

Громкие голоса внезапно нарушили мою сосредоточенность. Выглянув за занавес, я увидела Хой, которая смеялась вместе с но-

сильщиками. Теперь, когда пассажиры устроились на своих койках, проводники сели обедать. Хой также заказала еду. Мужчины, похоже, были в восторге от общительности Хой. Из уроков в школе А.У.А. я знала, что посиделки с незнакомыми мужчинами считались неправильным поведением для молодых тайских женщин. У обычных тайских женщин (не проституток) было мало личной свободы.

Одна из тайских учительниц – двадцатидвухлетняя девушка из бангкокской семьи среднего класса – сказала мне как-то, что не могла сесть в поезд, чтобы навестить друзей или родственников, если у нее не было должного сопровождения. Я запомнила страсть в ее голосе, когда она поведала мне, как она ненавидела девушек из баров, которые жили в ее доме. Она попросту ревновала их, наблюдая, как они целый день могут ничего не делать. Учительница ежедневно ездила на работу, а проститутки жили свободной жизнью. Она также жаловалась на то, что мужчины предпочитают женщин другого типа. Если же она и проститутка шли по одной улице, то ни один мужчина не смотрел в ее сторону. Она также отмечала, что многие симпатичные студенты любят этих девушек, и никто никогда не проявляет интерес к ней самой. В то время когда ее брат вечером выходил со своими друзьями, она редко могла куда-нибудь пойти. Вне работы она проводила время, заботясь о своих младших братьях и сестрах. Она боялась, что ее семья устроит брак для нее с сыном соседа, неприятным человеком, который был готов сменить отца в его салоне химчистки. Когда учительница говорила о презираемых ею девушках, ее переполняла обида за то, что для нее были недоступны такие вещи, как свобода передвижения, друзья и спонтанность.

Я заснула под оживленные разговоры и взрывы смеха Хой.

Утро разбудило меня ярко-желтым светом, бьющим через окно. Бесцветные высушенные краски горизонта вобрали в себя частицу яркости восходящего солнца, категорично заявляя, что никакой зелени никогда здесь вырасти не может. Люди в Бангкоке часто смеялись над проектом правительства «Isan Keeow, greening Isan» – планом озеленения, который никогда не срабатывал независимо от того, какую бы новую технологию они не вводили. Они смеялись над всем, что происходило в Исан.

Северо-восточный район Таиланда, в том числе и Исан, был географически связан с Лаосом, а жители Исана называли себя лао. Их язык был лаосским, но они изучали в школе центральный тайский. Поскольку Исан был самой бедной частью страны, ее люди были типично необразованны и считались «нечистыми». В Бангкоке они

работали в основном на самых низкооплачиваемых местах. Тайские фильмы и сериалы по ТВ всегда изображали домашнюю прислугу как неуклюжего невежду из Исана. По тому, как отзывался Алекс о посещении дома Хой, я знала, что меня ждут приключения. Видя мрачное выражение его лица, когда он говорил об этом, я решила ограничить свое пребывание тремя днями. Кроме того, это было все, что я могла себе позволить. Хотя Алекс и дал Хой карманные деньги, я заплатила за билеты в оба конца и ожидала еще больших расходов. У тайцев не был в ходу «американский дележ», где каждый человек платит за свой счет сам. Вместо этого обычай диктовал, что самый богатый и старший, или самый высокий по статусу платит за всех. Как бы меня не обманули и не заставили платить за всю деревню.

Деревня Хой была в двух часах езды к востоку от Убон и в нескольких милях от лаосской границы. Мы прибыли в Убон рано утром и сели на «song-tow», грузовик с двумя рядами мест. Мы двинулись в сторону какого-то маленького города, а точнее, в место в пятидесяти минутах езды от него. Там мы сели в другой переполненный «song-tow», и ехали еще пятьдесят минут. Затем мы пошли по хорошей мощеной дороге. Это была великолепная дорога, с идеальной разметкой, она была свидетельством попытки правительства включить Исан в растущую экономику. Отсутствие же четырехколесных транспортных средств ясно показывало неудачу правительства в этом вопросе.

Вертев головой во все стороны, Хой искала знакомые лица поздороваться, и вроде как сияла от радости, что приехала на родину. Люди на противоположной стороне дороги махали нам. Проезжая на велосипеде, рядом с нами остановился какой-то молодой человек, это оказался ее школьный друг. Они взволнованно обменялись приветствиями. Мальчик на мотоцикле взял наши сумки, а школьный друг настоял на том, чтобы одолжить нам свой велосипед.

– Мы едем, – сказала мне Хои, запрыгнув на сидение велика, и махнула мне, указывая на багажник над задним колесом. Она крутила педали, а я неумело цеплялась за нее, не зная, как держать свои ноги так, чтобы юбка не запуталась в колесе.

Повсюду стояли дома на сваях, построенные в тайском стиле. Свернув с дороги, мы понеслись по гальке вниз и наткнулись на старый захудалый дом с проплешинами в соломенной крыше. Мотоцикл, приехавший туда раньше, уже ждал нас. Шаткая лестница с редкими шатающимися ступенями вела к крыльцу, которое окру-

жало дом с трех сторон. По тайскому обычаю мы сняли нашу обувь. Насекомое с тонкими крыльями попыталось приземлиться мне на плечо. Босиком я поднималась по занозистой лестнице со своими вещами: дамской сумочкой, пакетом с закусками, сумкой с принадлежностями для сна, и задалась вопросом – что за испытание мне готовит это место? Казалось, что я на краю цивилизации, без единого телефонного столба в поле зрения. Разве Камбоджа не рядом? Разве они не воюют там? Моя юбка зацепилась за гвоздь.

– Этот ваш дом? – спросила я у Хой, освобождая юбку.

– У нас нет дома. Этот дом принадлежит женщине, которая продает воздушные шарики в городе.

Не успела я осмотреться и сориентироваться в доме, на нас обрушилась целая толпа.

Новость о нашем прибытии распространилась с бешеной скоростью. Сначала прибыли четыре пожилые женщины и двое мужчин в сопровождении целой орды детей. Один из них бросился ко мне, чтобы освободить меня от моего багажа, пока я карабкалась по лестнице почти на четвереньках. Деревянные перекладины пола просели и шатались. Одна женщина постелила в угол изодранные соломенные циновки.

– Мы спим здесь, – сказала Хой, показывая в сторону циновок.

– Это здесь вы останавливались с Алексом? Знает ли хозяйка этого дома, что мы поселились у нее? Я думала, что мы будем жить в доме твоей семьи.

– У нашей семьи нет дома. Я жила здесь и прежде. А женщине надо будет заплатить по 10 бат в день.

– Где твой отец?

– Он живет с подругой.

Увидев зигзагообразные выпуклости на стене, я задрожала от мысли, что внутри непременно прячутся термиты. Когда я устроила свои вещи рядом, пытаясь не задеть при этом стены, моя бутылочка лака для ногтей покатила по неровному полу и провалилась в одну из щелей.

Хой отправила кого-то из детей, чтобы достать его.

– Зачем ты привезла это? – рассмеявшись, спросила она меня.

– Ну хорошо ведь, когда все разноцветно и красиво, – ответила я, посмотрев на свои накрашенные красным лаком ногти.

Мы уселись. Друзья и соседи все прибывали и прибывали. Они садились возле нас со скрещенными ногами. Я была им любопытна, однако Хой все равно была центром всеобщего внимания.

– Сколько стоит проезд в поезде? – спросил ее один из наших посетителей. В отличие от западных манер, тайская беседа часто сводилась к ценам на вещи, доходам, еженедельным расходам, арендной плате и даже сбережениям. Это был один из самых сложных моментов, к которым должен был привыкнуть западный житель, живущий в Таиланде.

– Семьсот семьдесят пять батов – ответила Хой, озвучив цену и ошеломив тем самым людей, которые, возможно, тратили столько в год на еду.

– Мы приехали в спальном вагоне, на экспресс-поезде. Спали в постели.

Конечно же, ни один из них никогда не ездил на таком. Им были доступны только поезда третьего класса.

– В поезде есть кровать? – спросил кто-то недоверчиво. Даже понятие «кровать» было чуждо людям, привыкшим спать на ковриках без простыней.

Они щупали руками одежду Хой, перебирали пальцами ее украшения. На всех была грязная, изношенная дырявая одежда, покрытая пылью. Рядом с ними Хой была похожа на принцессу в чистых современных слаксах и белой трикотажной майке с надписью Los Angeles. Тем временем к нам прибывало все больше людей. Хой никому меня не представила. Это не было в обычае в Исан. Если вновь прибывшие спрашивали обо мне у кого-то из своих, то им говорили, что я американский студент. Когда они слышали, что мне двадцать семь лет, что я не замужем, без детей и путешествую в одиночку, то они бросали попытки понять меня. У них это не укладывалось в голове. Хой – местная пройдоха, уехавшая в город девчонка, была намного им интереснее.

Хой выделила троих детей, это были дети ее сестры: старшая дочь Ах, ей было одиннадцать, восьмилетний мальчик, и еще одна девочка, которой было четыре года. Ах устала на свою тетю, будто та была богиней. Маленькая же девочка, наоборот, увлеклась мной, она сидела совсем близко и держала руки на моих коленях.

– Ты не хочешь помыться? – спросила меня Хой.

– Прекрасная идея, – ответила я, охваченная странными запахами вокруг меня. Пахло земляной пылью и специями. Я не заметила ничего похожего на душевую у подножия холма, только покосившаяся хижина из пальмовых ветвей. Я понятия не имела, где люди купались. Спустившись по лестнице, я потратила какое-то время, чтобы раскопать свою обувь из горы другой обуви, сложенной там.

Около дома стояла ржавая бочка с водой, слегка прикрытая брезентом. Когда кто-то наполнял стакан из бочки, на поверхности можно было заметить плавающие личинки.

– У тебя есть па тунг? – спросила меня Хой.

– Нет.

Па тунгом называли традиционный кусок ткани для женщин, предназначенный для купания.

Хой заимствовала один такой для меня у соседей, затем привела меня вниз по склону к грязной луже чуть более полуметра в диаметре, затянутой тиной. Она зачерпнула эту гадость ведром, разделась и обернула себя тканью. Я последовала ее примеру, озираясь, чтобы никто нас не видел. В поле зрения никого не наблюдалось. Тайцы были воспитанными и не подсматривали друг за другом, когда кто-то купался.

– Я не уверена, как это правильно делать, – сказала я.

Хой вылила воду на себя, ткань пропиталась водой.

– Чего ты не знаешь? – спросила она, намыливая себя со всех сторон, под и вокруг па тунга. Я последовала ее примеру, хотя, конечно, мне было трудно обливаться подобным образом. Я надеялась, что волосы не станут липкими и зелеными. Хой смеялась, и мы по очереди опорожняли ведро за ведром на головы друг друга. Я держала рот закрытым, чтобы туда не попал ил.

Тайцы были чрезвычайно скромны. Они никогда не раздевались полностью, даже когда были одни. Привыкание к нагоде было одним из тех экстремальных перемен, к которым нужно было привыкнуть женщинам Патпонга. Хой вытерлась и переделась в короткую рубашку, которая выставляла ее редкие лобковые волосы по показ. Она мельком оглядела себя, и, похоже, осталась довольна тем, что увидела. Затем мы вернулись в дом, где она переделась в свежую одежду.

Мы сидели без дела весь день. Хой принимала посетителей как королева. Она съела огромное количество еды. Еда постоянно появлялась по ее команде.

– Цыпа, хочешь курятинки? – спрашивала она меня. – А яйцо, ты хочешь яйцо?

Я знала, что курица, яйца и другие блюда, которые ела Хой, были редкими деликатесами для жителей Исана. Бангкокцы ухмылялись тому, что люди Исана считают съедобным: жуков, ящериц и различных червей.

Хой неоднократно давала наши деньги односельчанам, бегавшим в магазин за едой. Когда еда прибыла, она поставила отдель-

ную тарелку для меня. Тайцы обычно ели из одного общего блюда, но Хой знала о привычках фарангов. Только Хой и я, плюс один или два из самых близких детей, поели первыми.

– Восхитительно (Аггоу), – говорила Хой, глядя на остальных, кто смотрел, как еда попадала ей в рот. Закончив, она по-королевски сделала жест рукой, чтобы убрали остатки еды, продолжая демонстрировать свое превосходство остальным. Перед соседями она вела себя как суперзвезда, сделав из них себе прислугу. Все бегали, чтобы что-нибудь принести для нее, особенно ее племянница Ах. Между собой сельские жители разговаривали на лаосском языке, а ко мне иногда обращались на тайском. Главным образом они восхищались Хой, игнорируя меня. Одна женщина вытянула соломинку с крыши и стала чистить себе уши. Я задалась вопросом, сколько времени прослужит крыша, если люди всякий раз будут брать из нее солому для своих нужд. Хой указала мне на этих потрепанных людей:

– Раньше я тоже была похожа на них, – сказала она по-английски, сморщив нос.

Она действительно выглядела по-другому, искушенная, манерная, более уверенная в себе, более чистая и более опрятная.

– Что они думают о Патпонге? – спросила я.

– Им не нравится. Им не нравлюсь я, потому что я работаю там.

Я же не видела того, что свидетельствовало бы неодобрению сельских жителей. Напротив, они, казалось, боготворили ее.

– Какую работу они делают? – спросила я. – Они выращивают рис?

– Риса нет. Нет никакой работы. Здесь никто не имеет работы. Молодые люди все едут в Бангкок. Иногда они делают что-то похожее на это, – она указала на рейки из пальмовых листьев. – Это для крыши.

Позже днем Хой предложила сходить на прогулку.

Хочу гулять! Снова я чувствовала, что задыхаюсь, уж слишком плотно все сидели вокруг. Моя спина болела от неудобного сидения, ведь я сидела, не прислоняясь к стене, потому что там царили термиты. На сей раз я выкопала из кучи чужой обуви только одну свою туфлю.

– Да не важно, надевай любую обувь, – успокоила меня Хой.

Таким вот образом я отправилась на прогулку в одном синем и одном белом ботинке, сопровождаемая парадом детей. Мы посетили дом по соседству, а затем прогулялись к реке, где Хой пригласила покататься на каноэ. Я, Хой и шестеро детей, все сели друг перед

другом, вода же начала быстро просачиваться в лодку. Хой взяла в руки свой башмак и показала нам всем, как нужно вычерпывать воду, и мы все последовали ее примеру. Ее племянница Ах сидела передо мной, и для нее была честь, когда я предложила ей использовать один мой большой туфель.

Когда мы вернулись в дом, у нас прибавилось еще больше посетителей и еще больше еды.

Тем же вечером пришел отец Хой с группой мужчин, включая сельского старосту, крепкого человека с большими губами и широкими ушами.

– Привет вам, – сказал глава мне, затем отвел меня в сторону для беседы. Был ли вызван его интерес ко мне с позиции главного дипломата или мужественного человека, я не знала. Его толстая и коротконогая жена стояла рядом в толпе, среди тощих людей, явно не довольная ситуацией. Среди всех этих голодранцев эта бочкообразная женщина носила свой жир как демонстрацию процветания.

Через соседний дом к нам протянули удлинитель, чтобы повесить лампочку под соломенной крышей. Хой купила для всех выпивку. Ее отец сидел рядом с нею и любовался своей красивой дочерью с гордостью в глазах.

– Видишь золотые часы у отца? – спросила меня Хой. Это подарок от Алекса. Хой любила отца до безумия, и всякий раз, когда у него заканчивалась бутылка пива, она командовала, чтобы ему подали новую. Он, в свою очередь, тоже чувствовал себя как хозяин, приглядывая, чтобы у всех остальных тоже была выпивка и сигареты. Я не могла понять, что говорила большая жена старосты, но она бросала надменные взгляды на меня, которые отнюдь не были дружественными. Однако с Хой она все же сохраняла учтивость.

Хой обратила мое внимание на пятерых молодых людей и сказала:

– У них нет подруг, потому что все деревенские девушки работают сейчас на Патпонге.

Еще в Бангкоке Алекс взял фотоаппарат для Хой и проинструктировал ее. Я тогда еще подумала, что это несколько странно, что он показывал мастерство кому-то, кто прежде никогда не фотографировал. Тем же днем Хой фотографировала некоторых людей, а мне пришлось ей объяснять, почему она не должна использовать вспышку при солнечном свете. Тогда же один из соседей начал играть с камерой и случайно перемотал пленку, засветив ее.

Я пшикнула на себя средством против насекомых, которое привезла с собой.

– Кому-нибудь нужно? – предложила я.

Никто не откликнулся.

Все напились допьяна. Снова принесли еду. На этот раз основным блюдом был цыпленок и суп. Так двадцать три человека начали есть из четырех тарелок. Каждый раз, когда кто-нибудь черпал еду из миски, ему приходилось преодолеть большое расстояние от тарелки до собственного рта. Поэтому очень скоро капли еды покрыли все циновки. Никто не мыл руки перед едой. У меня тоже были грязные руки, но я не хотела быть единственной, кто вымыл бы их. Вся компания погружала руки в блюдо с рисом, а затем они катали, сплющивали и скатывали рис в шарик, после чего его опускали в миску с супом. Один мужчина скатал рис в своих темных ладонях, сделал из него шар и вручил его мне.

– О, спасибо, – сказала я, пытаюсь не показать отвращение. Я старалась не смотреть на рисовый шарик и заставила себя съесть его. После этого я схватила одну из четырех чаш и монополизировала ее, не заботясь о невежливости. Хой заказала мне кока-колу, а все остальные пили из одного стакана, который гадко покрылся куриным жиром и рисом. Мужчины жадно пили из бутылок Лао Каова, местное пойло, а какой-то парень громко мочился на краю крыльца.

Они высосали восемнадцать бутылок пива и пять бутылок чего-то крепкого. Хой купила всем марихуану, и все задымили. Пары алкоголя в воздухе, запах средств от насекомых и вонючие от еды циновки напрягли мои нервы до предела. Где же был свежий воздух этой страны, где, как мне хотелось, можно наслаждаясь дышать? Я не могла вдохнуть глубоко, потому что надо мной повисло облако конопляного дыма. Я не курила уже очень давно, со времен моих хиппи-дней. Веселая, пьяная и безудержная толпа людей напугала меня. Каждый дергал кого-то вокруг себя. Один человек сунул нос мне в ухо и начал рассказывать какую-то историю на лаосском, и я ничего не понимала. Председатель произносил ртом мне какие-то слова, но я ничего не слышала, так как он находился со стороны крыльца. Рядом с ним сидела его жена и сверлила меня глазами. Когда она заметила мои красные ногти, то слащаво изобразила улыбку и попросила лак, чтобы тоже накрасить свои. Я дала свой пузырек с лаком рядом сидящему человеку, чтобы передать для жены главы. Больше я не получала от нее сверлящих взглядов в мою сторону.

К счастью, когда я сказала Хой, что устала, она разогнала толпу. Медленно, с песнями, они поплелись прочь, через кусты.

Отец Хой, две старухи и шесть детей приготовились, спать рядом с нами на крыльце. Вместо того, чтобы идти в туалетную хижину метров ста от дома, Хой сказала: «идем туда», и повела меня с племянницей Ах к кухне с другой стороны крыльца.

– Ссыте здесь, – сказала она нам.

Английский лексикон женщин Патпонга часто подражал речевым оборотам их пьяных клиентов. Аналогично, тайские фразы мужчин-фарангов, подхваченные у своих подруг, были сленгом самых низов, и это привлекало возмущенные взгляды, когда мужчины произносили их в обществе тайцев.

Я заметила, что половицы потемнели так, словно на них справляли нужду.

Перед тем, как лечь на наши циновки, Хой немного подмела венником лежащую еду с крыльца, и затем крикнула соседу, чтобы отключил свет.

В лунном свете я видела, как длинноногий паук высматривал возле меня остатки пищи. Я закрыла глаза и позволила ночным существам гудеть возле меня, пока я засыпала.

Возня и топот людей разбудили меня на рассвете. Хой была одета в сексуальный ночной пеньюар. Она не снимала его все утро, так и принимая гостей. Все вчерашние люди вернулись снова, и привели с собой новых. Затем в какой-то момент Хой решила поучиться водить чей-то мотоцикл. Ночная рубашка развевалась от движения, притягивая взгляды соседей, собравшихся посмотреть на ее успех. Это зрелище их заворожило, хотя они и видели водителей байков каждый день.

– О! О! – кричала мне Хой, когда проносилась рядом. Тайские прозвища обычно составлялись из одного слога, и Хой решила сократить Клео на О.

Когда мы вернулись в дом, завтрак уже ждал нас.

– О, я достала для тебя хлеба, – сказала Хой, которая знала предпочтения фарангов в еде. Но та, кого она послала в магазин, в хлебе не очень разбиралась. Старуха протянула мне тарелку небольших странных рулетиков с зеленым желе в центре.

– Кто-нибудь еще хочет этого ммм... хлеба? – предложила я.

Никто не хотел. Тайцы опять ели рис на завтрак, как и всегда, в любое время. В Исан был свой собственный стиль приготовления риса, называющийся «липким рисом». Это был лучший рис,

который я когда-либо пробовала, и поэтому я предпочла есть его вместо этого ужасного хлеба с зеленым желе. Но мне не хотелось показаться неблагодарной.

Хой заметила влажное пятно на полу около еды.

– Плохо пахнет, – прокомментировала она и передвинула тарелки на десять сантиметров в сторону. Я предположила, что это написал маленький мальчик, который спал рядом.

Неожиданно мы услышали громкий резкий голос, доносящийся с горы прямо через дорогу. Хой услышала и тут же сказала:

– Это моя сестра На идет.

Даже когда На приблизилась, ее голос не понизился, и при этом тон тоже не смягчился. Она постоянно орала, как будто делала выговор кому-то на расстоянии в одну милю.

Я возненавидела ее с первого взгляда. У сестры Хой была аура бульдозера.

Низкорослая, толстая, с короткими вьющимися волосами, она совершенно не была похожа на красотку Хой. Когда она прошла по лестнице, люди на крыльце, казалось, отклонялись от нее в стороны, как деревья на ветру. Затем она схватила мою футболку с перил, чтобы вытереть жидкость на полу.

– Сколько стоил билет на поезд сюда? – спросила она Хой, не глядя на сестру.

Она схватила сумку Хой и начала краситься ее косметикой. Пока Хой вдавалась в детали нашей поездки, На, глядя на себя в зеркало, раскрашивала свои щеки румянами. Теперь она использовала мою футболку в качестве спонжа для пудры.

– Сколько денег Алекс дал вам, чтобы приехать сюда? – спросила она, схватила уже мой чемодан и открыла его. Я только и могла, что смотреть в ужасе на то, как она шуровала внутри.

Даже если бы я набралась храбрости, чтобы возразить такой наглости, я приказала бы себе просто наблюдать, не прерывая происходящего. Мне хотелось погрузиться в повседневную реальность их жизни. Так я надеялась получить представление о сути жизни сельских жителей.

Образец увиденного поведения поразил меня больше всего, не смотря на то, что мой собственный опыт зарубежных путешествий был далеко не маленьким. В присутствии людей, которые не говорят «пожалуйста» или «можно ли мне?» я поняла, насколько мои привычки отражали общепринятые стандарты, которые я привыкла использовать. Я увидела свое собственное восприятие бла-

говоспитанности, личного пространства и частной собственности. Свободное отношение На к моим вещам заставили меня понять те барьеры, которые я сама установила между моими вещами и пространством других людей. Чем больше я наталкивалась на эти столкновения культур, тем больше я ценила колоссальную адаптацию, сделанную женщинами Патпонга.

Удивляясь, я наблюдала как На хваталась за все барахло, в том числе и нижнее белье. Она нашла мою шляпу и надела ее. Затем ей попались мои темные очки, она тут же надела и их. Закончив с моим чемоданом, она впервые посмотрела на меня и, улыбнувшись, ушла.

Без нее тут же стало тихо и мирно. Прежде, чем она достигла на полпути холм, она вернулась, и что-то выкрикнула.

Хой повернулась ко мне.

– О, она просит тебя идти с ней.

Я запаниковала. Куда? Зачем? О нет, я предпочла бы остаться здесь. В этой незнакомой обстановке я чувствовала себя надежно только с Хой. А что будет наедине с этой грубиянкой?

Хой, должно быть, увидела это на моем лице, и поэтому она сказала своей сестре, что я не хочу идти, и На ушла одна.

– Спасибо, – сказала я. – Эта женщина ужасна. У нее есть дети? Муж?

– Мужа у нее нет.

– Она была когда-то замужем?

– У нее есть трое детей. От разных мужчин.

– У нее было три мужа?

– Нет, мужа не было.

Может, я неправильно задавала вопросы, и поэтому, видимо, иногда не могла получить информацию, которую хотела.

– Она когда-нибудь жила с мужчиной? – спросила я.

– Ее мужчина ушел.

Я отказалась что-либо понимать в брачном статусе На. Снова начали прибывать дети и женщины в потертых одеждах. Хой и я планировали посетить пещеру с доисторическими рисунками, но оказалось, что ее отец взял грузовик вместо автомобиля и пригласил туда целую деревню. В этот день никто из детей не пошел в школу, хотя это был учебный день.

Ужасная На вернулась с младшим ребенком в розовом платье. Себя она одела в трикотажную майку Хой с надписью Los Angeles. Хой же надела мою синюю блузку.

Когда приехал отец Хой на грузовике, На стала загонять нас туда, как сержант-инструктор по строевой подготовке.

– О, ты сидишь впереди с водителем, – сказала Хой.

Но мне не стало от этого легче. Я с ужасом смотрела на пассажирское сиденье, где, притиснувшись, бок о бок уже сидели На, Хой, ее отец и дочь водителя.

Когда мы тронулись, На оглушительно закричала мужчинам, что шагали по дороге, и таким образом в нашу машину вбуравились еще четверо полицейских. Меня ни с кем не познакомили. Про себя я автоматически здоровалась и знакомилась с ними. Голос в моей голове говорил: «рада познакомиться с вами...»

Чтобы объехать всю деревню, нам пришлось потратить кучу времени. Всю дорогу На общалась с проходящими мимо людьми. Меня ужасно раздражало, что она заставляла нас припарковываться возле каждого дома и каждого магазина. Она запасалась мешками фруктов и пирогов, за которые расплачивалась Хой. Затем, когда мы остановились у казармы, полицейские вышли и начали переодеваться. Я одарила Хой раздраженным взглядом.

– Твоя сестра действует мне на нервы, – не выдержав, сообщила я. – Эта женщина ужасна. Мне она очень не нравится.

– Она всегда так. Что я могу сделать? – тихо сказала Хой, кивнув в знак согласия.

Спокойствие, Клео, только спокойствие, повторяла я про себя. Все переживания и события были настоящими, даже сидя вплотную в течение нескольких часов на переднем сиденье грузовика. Я напомнила себе, что была гостем в жизни этих людей. Мне не следует оскорблять ни одного родственника. К счастью, никто не понимал моего английского диалога с Хой.

– А где работает На? – спросила я, подумав, что надо не терять времени и собирать информацию.

– Нет у нее никакой работы, – ответила Хой.

– Как? Где она берет деньги?

– Иногда что-то продает.

– Продает что? Где?

Хой пожала плечами.

– Еду, может.

– Ах, да, Алекс говорил, что давал ей деньги, чтобы купить вещи и продавать их на рынке у границы, не так ли?

– Да, один раз она сделала так.

Разговор был ни о чем, и мне ничего не оставалось, как подчиниться ситуации и наблюдать через зеркало заднего обзора, как На организовала размещение людей.

Наконец мы отправились. Приехав на место, На спрыгнула с грузовика, держа циновки в руках и закричала, что пора всем сесть и покушать. Я проигнорировала эту ужасную женщину и ушла к пещерам. Племянница Хой Ах последовала за мной, затем к нам присоединилась Хой, а за ней и все остальные, кроме На и трех мужчин из Шанхая.

Ах настояла на том, чтобы нести мою сумку. Она держала ее так, будто это была королевская драгоценность. Пещеры огораживал забор, и никто, казалось, не интересовался доисторическим искусством, кроме меня. Но, так или иначе, это уже не имело для меня значения. Издалека я могла различить нарисованные на известняке формы, похожие на рыбу, плоские фигуры с головами и волнистые линии.

– О, О, – мне послышалось, что кто-то кричал издалека. Я не обратила внимания на это. Ах потрясла меня за руку и, жестикулируя, показала на Хой, которая звала меня.

– Извини, – сказала я ей, когда она подошла. – Но я не думала, что буду откликаться на О. Почему бы тебе не называть меня Кле? Мне нравится Кле.

– Нет, О – хорошее имя.

Вернувшись, я увидела еду, разложенную на тех же самых ковриках, на которых мы спали в доме. На тарелках был разложен цыпленок с рисом и кровью – местный деликатес. Кровь – это то, чего я раньше никогда не пробовала. Прежде чем присесть, На отвела меня к месту, где меня ждал продавец, чтобы получить деньги по счету. Поскольку они считали меня самой богатой, я взяла на себя ответственность и заплатила, как диктовал обычай.

– А можно мне колу, – сказала я. На заставила меня заказать еще одну бутылку, наряду с пятью бутылками самого большого размера для каждого. На банкет мы поехали к водопаду, где На заказала еды, за которую снова платила я. На сей раз мне гораздо меньше понравился статус благотворителя. Я была единственной, кто переоделся в купальник, однако плавать пошли все. В школе Empower нам преподавали, что чрезвычайно скромные тайцы предпочитают плавать в одежде. Затем мы вернулись на берег, где у нас состоялся еще один плотный банкет – подавали рис, мясо, соусы и различные овощи. К этому времени На уже не просила, чтобы я заплатила, она просто уходила, оставляя меня с продавцом. Мне не нравилась эта традиция оплаты, и я уже подумывала, не обучить ли их «американскому способу».

На единственная была толстой, все остальные были тощими, и я задалась вопросом, куда они девают всю еду. Их компания лопала столько пищи, что ее хватило бы на одну неделю. Перед тем, как погрузиться в автомобиль и поехать обратно, На успела еще ухватить острые чили-закуски и розовые как пудинг конфеты, чтобы поесть в пути.

Возвращаясь, я чувствовала вину и раскаяние, что критиковала сестру Хой. Я знала, что сделала неправильно, говоря ей, что мне не нравилась сестра, которая воспитала ее. И хотя она по-прежнему мне не нравилась, я решила поговорить с Хой.

– Я передумала насчет На. Она замечательная, какой только ты ее знаешь.

– Спасибо.

Тем самым Хой заставила меня чувствовать себя еще более бестактной и грубой. Я пообещала себе в будущем хорошо себя вести с этой ужасной ведьмой.

Около дома мы остановились на рынке, чтобы купить еду на ужин. На прилавке лежали странные существа, и многие из них были все еще живы. Мне удавалось держаться поближе к Хой и одному полицейскому, и подальше от На и всех остальных. Я не хотела, чтобы На каждый раз вынуждала меня покупать что-нибудь на каждом прилавке рынка.

– Тебе нравится лягушка? – спросила Хой.

– Лягушка! Ням-ням. Я люблю лягушек, – ответила я, вспомнив о восхитительных лягушачьих лапках, которые я попробовала как-то в дорогом французском ресторане.

Хой купила бумажный пакет лягушек, и, слава богу, все они были мертвы. Она заплатила за них сама.

Тем же вечером трое полицейских пригласили На, Хой и меня в ночной клуб, что был в часе езды на мотоцикле. В действительности же я совсем не хотела туда идти, но мне также не хотелось оставаться одной до ночи посреди чужих посиделок с выпивкой. Боясь мотоциклов, я несколько раз предупредила полицейских ехать помедленнее. Всю дорогу мы ехали одни по неосвещенной дороге. В ночном клубе нас встретила густо накрашенная девушка в короткой юбке, которая посадила нас за столик. Рядом сидели еще четыре девушки. Все это напоминало о том, что проституция была частью тайской культуры даже там, в глуши, за каждым кустом. Я смотрела, как Хой, одетая в трикотажную футболку, штаны и бейсболку, разговаривала с женщинами. Она говорила с ними нерешительно и была подавлена.

Я поинтересовалась, куда же делась еда, которую мы купили на рынке, и скоро узнала. На вручила пакет встречающей девушке, и теперь официантка поставила большую тарелку в центр стола.

– Ешь, – сказала Хой с нетерпением. – Это твоя лягушка.

Да, это была лягушка. Но не лягушачьи лапки для гурмана, как ожидала я. Это были лягушки, приготовленные целиком, с головой и лапками.

Я взяла кусочек и попробовала ее. Определенно, это было неплохо. Однако тут возникла проблема. Куда девать кости?

Я не хотела класть их назад в миску и на скатерть тоже. Я наблюдала за другими, но не видела решения этого вопроса. Что они делали с ними? Съедали их? Бросали их на землю? Я так и не поняла. Съев первую лягушку, я задумалась на секунду. Рядом со мной на столе лежали кости, и я чувствовала себя неряхой.

– *Agroy mai*? («Правда восхитительно?»), – спросила Хой.

– *Agroy* («Восхитительно»), – ответила я.

– Почему ты не становишься дружелюбной? – спросила На, нацелив свой палец на мое лицо через весь стол.

Фактически мои спутники не могли понять меня вообще. Они не могли расшифровать мой тайский, а я не знала их лаосский язык.

На, Хой и двое мужчин сидящих рядом, шумно забавлялись. Они хохотали, тыкали в меня и подмигивали с намеком. На пихнула меня так, что я чуть не упала. Я еле сдержалась, чтобы не швырнуть ей в лицо лягушачьи кости.

Хой и полицейские пили спиртное Лао Каова, а я волновалась, как мы поедем назад.

– Я боюсь пьяных водителей, – сказала я Хой. – И не хочу ехать с водителем, который напился.

– Хой, будучи чуть трезвее, чем мужчины, посмотрела на меня так, как будто она никогда не слышала о такой проблеме раньше.

– В самом деле, – продолжала я, – вождение в нетрезвом виде опасно.

Внезапно ее лицо просияло.

– Ты хочешь, чтобы мы спали в отеле?

Хой немедленно влюбилась в эту идею, и прежде, чем я смогла что-то ответить, она сообщила другим, что мы останемся на ночь в отеле.

– Нет, я не хочу оставаться в отеле, – воскликнула я, в ужасе от мысли, что мы поделимся на три пары, и мне придется оплачивать за три комнаты.

– Нет. Нет, мне не нравится эта идея.

Тем временем все остальные были в восторге от этого.

– Нет, – нажимала я сильнее. – Я не хочу спать здесь. Я возьму такси до дома.

– Такси? Где ты возьмешь такси? – приснула Хой, и все засмеялись.

На похлопала меня по спине.

– Такси тут нету.

– Я хочу вернуться домой, – сказала я твердо. – У меня нет своей зубной щетки, специального раствора для моих контактных линз и средства от насекомых!

Они упали друг на друга со смеху.

– Я не останусь здесь!

Когда их смех стих, пришло разочарование. Они обсуждали друг с другом, что делать – убедить меня остаться, или поехать еще куда-нибудь? Я узнала, что На могла вести мотоцикл, потому что она не пила.

– Пожалуйста, поехали назад, – умоляла я ее. – Я хочу поехать с тобой. Можешь забрать меня прямо сейчас, я так устала.

Они так смотрели друг на друга, словно все их грандиозные планы на вечер рухнули.

– Я пойду, оплачу счет, – сказала я, пытаюсь взять ситуацию в свои руки.

Во всяком случае, я не сомневалась, что счет был предназначен для меня.

Мы уехали. Хой, которая едва могла ходить, настаивала на том, чтобы вести мотоцикл самой, а полицейского посадить сзади. Весь путь обратно она то ускорялась в темноте неосвещенной дороги, то затем возвращалась назад, чтобы поддразнить нас за то, что мы медленно едем. Я поддерживала ту скорость, с которой двигалась На.

– О едет так медленно! – доносились слова Хой, когда она пролетала рядом, хохоча.

Я держала свои руки вокруг талии На, повторяя: «спасибо, что везешь меня».

– Ты замечательный человек. Я пошлю тебе фотки, которые я сделала.

По правде говоря, я действительно была благодарна ей.

Когда мы приехали, наш ветхий старый дом мне показался замком. Я была очень рада видеть его.

Следующим утром Хой проснулась последней. Мы с ней и ее отцом собирались навестить его семью в Кхон-Каене, что на расстоянии двух часов поездом от Убон. Он хотел, чтобы мы остались там ночевать, но мы должны были вернуться тем же вечером в Бангкок.

Когда ее отец был уже готов, я начала искать Хой. Она оказалась в доме по соседству, разговаривая с каким-то человеком. Они сидели на бревне близко друг к другу, и Хой, казалось, не была рада меня видеть.

– Ты действительно не хочешь ехать в Кхон-Каен? Это так? – спросила она в притворном удивлении.

– Да, я не хочу, но так хочет твой отец.

Хой наморщила лоб, и вот так мы и уехали оттуда. Никто не сказал «до свидания», или «благодарю вас за все, что вы сделали». Прощания и слова благодарности не были в обычае в Исан.

Во время поездки по дороге в Убон Хой рассказала мне о человеке по соседству.

– Он очень богатый. Он мне нравится очень сильно. Ты видела его? У него есть большой автомобиль. Он делает хорошие деньги. Думаешь, он красивый?

Сейчас напротив нас сидела хорошо одетая тайская женщина и разговаривала с отцом Хой.

– Она учитель, – сказала кто-то.

Учителей в Таиланде очень почитали. Работы было мало, и она доставалась только «элите», имеющей деньги, связи и влияние. В Таиланде рабочие места можно было получить только по блату. Поэтому бедным людям было почти невозможно вылезти из нищеты.

Хой соединила руки на груди, смотря на женщину с уважением.

– Вы живете в Паттайе? – спросила учительница.

Ее вопрос означал, что она предполагала, что Хой работала проституткой. Хой не ответила, только покачала головой, приняв оборонительную позу, и втянула плечи. Тайские проститутки были видны издали даже без модной одежды и пышущих здоровьем тел. Даже после того, как женщины переставали работать в баре, их еще долгое время можно было вычислить по внешнему виду. Я сама попыталась научиться опознавать эти особенности, благодаря которым они выделялись из толпы и были изобличимы. Это были особые манеры и поведение – более откровенные и уверенные, более требовательные и дружелюбные. Тайская культура видала в этих качествах отметки позора женщины и явные признаки

проституции. Пристойная женщина, как полагалось, должна быть застенчивой, сдержанной, не напористой и уступчивой.

На полпути к Убон Хой купила себе мясные шарики на шпажке, и принялась активно убеждать меня, что это настоящее безумие – ехать в Кхон-Каен даже на пару часов. Я знала, что Хой занимали фантазии о мужчине, что жил по соседству, так что ее аргументы не убедили меня. Зато ее доводы убеждали ее саму, и к тому времени, когда мы прибыли в Убон, она передумала ехать ни в Кхон-Каен, ни даже в Бангкок. Она объявила, что возвращается домой. Она даже придумала оправдания, что она якобы «поможет сестре продавать», и «поискать отель, чтобы стать гидом, как мечтал Алекс». Я была уверена, что ничего из этого делать она не собиралась.

Хой села на первую же рикшу обратно. Она выступала защитным буфером, и без нее я не хотела сталкиваться с семьей в Кхон-Каене. Ее отец вместе со мной провел те девять часов, которые оставались до моего поезда на Бангкок. Я купила ему бутылку Лао Каова и взяла в кинотеатр, где он проспал в течение четырех часов, пока шел фильм.

Наконец-то, уже в поезде, на своем месте, отгородившись шторкой, я насладилась чувством одиночества. Расстроенная отказом Хой, я, тем не менее, смаковала свободу и наконец-то отключила мозг. Как замечательно быть одной.

Тайцы не понимают эту роскошь, вероятно потому, что у них никогда не было возможности испытать это. Выросшие в многодетных семьях, они ели как свиньи и спали как шпроты в банке. Их религия также ставила семью в приоритет. Даже после смерти родителя, все «сделанные заслуги» засчитывались на имя родителя. Количество накопленных заслуг решало то, куда уведет их судьба в следующем воплощении. Чем больше детей помогают осуществить эту заслугу, тем лучше будет следующая жизнь. Тайцы также нуждались в больших семьях по финансовым причинам. Не имея социальной защиты или благосостояния, старые люди очень зависели от родственников, которые должны были заботиться о них. Дети были обязаны помогать им в старости. Они, как ожидалось, должны поддерживать своих родителей всеми возможными способами. Тайская культура постановляла, чтобы Хой поддерживала своего отца. То, что она делала это посредством проституции, было не так уж важно. То же и для Джека, который поддерживал свою слабую мать. Получится ли у меня вытащить Джека из этой системы? Возможно. После того, как я выехала за пределы Бангкока, мир теперь казался мне совсем другим.